

Отчёт по результатам экспертного опроса Турция и безопасность Израиля Февраль 2026

Executive Summary

Контекст

Опрос проведён в феврале 2026 года. 14 экспертов — от лево-либеральных до правых религиозных — независимо ответили на пять вопросов о безопасности Израиля в связи с ролью России и внутренними вызовами.

- **9 февраля 2026 года** министр иностранных дел Турции Хакан Фидан заявил в интервью CNN Türk, что Турция «неизбежно будет вынуждена вступить в ядерную гонку».
- **США завершают полный вывод войск из Сирии:** база Аль-Танф эвакуирована 11 февраля, Аль-Шаддади передана правительству Сирии 15 февраля, полный вывод ~1000 военнослужащих — в течение двух месяцев.
- **Режим Асада пал;** новая власть в Дамаске — реформированное крыло «Хайят Тахрир аш-Шам» под руководством аш-Шараа — при внешнем покровительстве Турции.
- **Курдская автономия на северо-востоке Сирии ликвидирована;** бойцы СДС интегрируются в новую сирийскую армию.
- **Израиль признал независимость Сомалиленда** (26 декабря 2025), что спровоцировало резкое усиление турецкого военного присутствия в Сомали и на Африканском Роге.

Панель экспертов

Опрошены 14 экспертов, представляющих различные дисциплины и политические позиции — от лево-либеральных до правых религиозных. Состав панели обеспечивает многомерность анализа: каждый вопрос рассматривается через оптику ядерной риторики Турции, различных угроз безопасности Израиля и ролью России.

№	Специализация	Политическая позиция	Религиозный профиль
1	Политолог	Левые	Светский
2	Политолог	Право-консервативные	Традиционный
3	Историк	Центристские	Светский
4	Эксперт по международным отношениям	Право-консервативные	Религиозный
5	Экономист-международник	Центристско-прагматичные	Светский
6	Эксперт в вопросах нацбезопасности	Право-консервативные	Религиозный
7	Эксперт в вопросах нацбезопасности	Центристские	Светский
8	Социолог	Левые	Светский
9	Юрист	Левые	Светский
10	Журналист	Право-центристские	Традиционный
11	Правозащитник	Лево-либеральные	Светский
12	Гражданский активист	Лево-центристские	Светский
13	Религиовед	Центристские	Умеренно религиозен
14	Раввин	Правые	Хабад (строго соблюдающий)

Структура опроса

Экспертам были предложены пять вопросов. Первые четыре вопроса открытые и один закрытый:

1. Оценка заявления Фидана о ядерной гонке
2. Ось Россия–Турция: угроза и возможность для Израиля
3. Потенциал России в роли балансира в отношениях между Израилем и Турцией
4. Роль России на Ближнем Востоке в контексте безопасности Израиля
5. Ранжирование пяти угроз безопасности Израиля (от 1 — наивысшая до 5 — наименьшая)

Вопрос 1. Оценка заявления Фидана о ядерной гонке

Мнения экспертов

Эксперт №1, политолог:

«Когда министр иностранных дел страны — члена НАТО публично рассуждает о ядерном оружии, проблема не в Турции. Проблема в том, что мы все коллективно разрушили табу и не построили ничего взамен».

Эксперт №2, политолог:

«Стратегическое позиционирование державы, которая систематически наращивает амбиции. Это не импровизация — это программа».

Эксперт №3, историк:

«Каскадное распространение — не теория, а исторический паттерн. Южноазиатский каскад 1960–1990-х показал: когда один крупный игрок движется к бомбе, соседи следуют. Турция → Саудовская Аравия → Египет → ОАЭ — вполне вероятная последовательность».

Эксперт №4, эксперт по международным отношениям:

«Фидан привязал свои слова к иранскому контексту — "если в регионе появится ядерное оружие". Но для нас эта формулировка опасна вдвойне, потому что она имплицитно включает и Израиль. Анкара создаёт дискурсивную рамку, в которой турецкое оружие — ответ на "региональную ядерную несправедливость". Это язык, который найдёт отклик в исламском мире, и остановить турецкий проект будет неизмеримо сложнее, чем иранский, — потому что Турция встроена в западные структуры и её нельзя изолировать санкциями так, как Иран».

Эксперт №5, экономист:

«Это не только вопрос безопасности — это переоценка инвестиционной карты. Когда государство, контролирующее транзит 50–60 млрд кубометров газа в год, публично рассуждает о ядерном оружии, последствия выходят за рамки дипломатии: растёт вероятность санкций, растут страховые премии, крупные игроки начинают переоценивать зависимость от турецкого транзита. Здесь открывается окно для Израиля — восточносредиземноморский газ, проект ИМЕС».

Эксперт №6, специалист по национальной безопасности:

«Турецкие ракеты летят с другого азимута и с меньшим подлётным временем — 6–8 минут против 12–15 для иранских. Системы Arrow-3 проектировались для иранского направления — турецкое требует перестройки. Многополярная ядерная среда качественно отличается от бинарной и создаёт проблему для систем ПРО, спроектированных под одно направление».

Эксперт №7, эксперт в вопросах нацбезопасности:

«Заполнение нормативного вакуума. Когда режим нераспространения ослаблен, а региональные державы наращивают амбиции, заявления такого рода становятся самосбывающимися пророчествами».

Эксперт №9, юрист:

«Мы не можем ссылаться на режим нераспространения, из которого сами себя исключили. Израиль блокирует зону, свободную от ОМУ, находится вне ДНЯО — и при этом удивляется, когда другие делают то же самое».

Эксперт №10, журналист:

«Реакция международных СМИ была непропорционально тихой. Когда Иран объявляет об очередном центрифужном прорыве — это top story с картой, стрелками и приглашёнными генералами в студию. Когда Турция — член НАТО, вторая армия альянса, государство с \$900 млрд ВВП — говорит о ядерной гонке, это проходит как бэкграундер на шестой минуте выпуска. Фидан сделал то, что в нашей профессии называется *нормализация нарратива*: он ввёл тему в публичное пространство не как сенсацию, а как допустимую опцию. Через три года "Турция и ядерная опция" будет звучать не как шок, а как данность».

Эксперт №11, правозащитник:

«Ядерное оружие в руках режима, который уже сейчас несёт ответственность за тяжелейшие нарушения прав человека, — это не "стратегический баланс". Это качественно иной уровень угрозы для каждого человека в регионе, у которого нет армии и ракет».

Эксперт №12, гражданский активист:

«На авиабазе Инджирлик уже размещены порядка 50 американских тактических ядерных бомб B61 в рамках nuclear sharing НАТО. Турция — не безъядерная страна, мечтающая о бомбе. Это страна с ядерным оружием на своей территории, которая хочет собственное. Что меня тревожит — как наше общество обрабатывает этот сигнал. Мы — общество, которое умеет выводить 200 тысяч человек на улицу из-за судебной реформы, но не способно мобилизовать внимание к тому, что сосед публично рассуждает о ядерном оружии».

Эксперт №13, религиовед:

«Фидан делает это в контексте последовательной идеологической программы, которую я бы назвал **суннитским ядерным суверенитетом**. Логика: Израиль — еврейское государство — имеет бомбу. Иран — шиитское — движется к бомбе. Пакистан — суннитский — далеко и служит себе. Турция как лидер суннитского мира не может оставаться безъядерной. За риторикой стоит идеология, а идеологии не отменяются санкциями».

Эксперт №14, раввин:

«Фидан не оговорился — он озвучил программу. Эрдоган — человек, который публично заявлял о возвращении османского наследия, который превратил Айя-Софию обратно в мечеть и который выстроил самую мощную военную промышленность в исламском мире. Этот человек не остановится перед ядерным порогом. Даже если Иран не получит бомбу, Турция будет двигаться к ней — мотивация не иранская угроза, а претензия на лидерство исламского мира».

Выводы по вопросу 1

Все 14 экспертов единодушны: заявление Фидана — не блеф и не импровизация, а элемент последовательной программы. Консенсус охватывает три позиции: угроза каскадного распространения реальна (Турция → Саудовская Аравия → Египет → ОАЭ); ядерные амбиции Турции привязаны к неоосманскому проекту, а не только к иранскому фактору; израильское общество критически недооценивает эту угрозу (лишь 3,7% назвали Турцию главной угрозой 2026 года).

Главная линия разлома — вопрос ответственности. Правые видят проявление турецких имперских амбиций, требующее жёсткого ответа. Левые указывают, что Израиль — со-автор эрозии режима нераспространения.

Вопрос 2. Ось Россия–Турция: угроза и возможность для Израиля

Мнения экспертов

Эксперт №1, политолог:

«Сама постановка вопроса в формате "угроза или возможность" ведёт нас в ловушку. Это не угроза и не возможность — это симптом. Симптом того, что два авторитарных режима заполняют пустоту, которую оставляет отступающий Запад. Меня тревожит не координация Москвы и Анкары сама по себе — она хрупка. Меня тревожит то, что правила, по которым принимаются решения о судьбе миллионов людей в Сирии, определяются двумя игроками, ни один из которых не связан ни правами человека, ни подотчётностью собственному гражданскому обществу».

Эксперт №2, политолог:

«Сирия — только северный фланг. Есть ещё южный, и там картина не лучше. После признания Израилем Сомалиленда Турция резко активизировалась на Африканском Роге — не просто как экономический партнёр, а как прямой конкурент Израиля. Это означает, что "периферийная доктрина" Бен-Гуриона — союз с неарабскими государствами на краях арабского мира — окончательно мертва».

Эксперт №3, историк:

«Турция целенаправленно выстраивает на Африканском Роге инфраструктуру влияния, которая одновременно обслуживает экономические интересы (порты, контракты), военные (базы, поставки, совместные операции) и антиизраильские цели. Китайские инвестиции — первые в Эфиопии. Государства Залива дают деньги и инструменты безопасности, Турция поставляет дроны и военное сотрудничество, Китай остаётся незаменимым для инфраструктуры и займов. Израиль в этом уравнении — отсутствует».

Эксперт №4, эксперт по международным отношениям:

«Если раньше главным сценарием угрозы был "шиитский полумесяц" (Иран — Ирак — Сирия — Хизбалла), то теперь появляется второй — суннитский, с Турцией как неявным лидером. На нашей северной границе формируется "суннитский полумесяц" нового типа — от Анкары через новую Сирию к суннитским радикальным движениям в Ливане и палестинских территориях. Россия в этой конфигурации — не противовес Турции, а её со-арендатор: обе извлекают выгоду из сирийского пространства, но по разным статьям».

Эксперт №6, специалист по нацбезопасности:

«Турция выстраивает южную дугу — от Сомали через Красное море к Суэцу — которая в потенциале может сомкнуться с северной (Сирия–Средиземноморье). Если это произойдёт, Израиль окажется в оперативном окружении с турецким участием на двух из трёх стратегических направлений».

Эксперт №7, Эксперт в вопросах нацбезопасности:

«Зачатки альтернативной системы есть: инициатива C-SIPA, "мини-латерали" с Грецией и Кипром, элементы координации по ПВО с ОАЭ, Негевский форум. Но всё это — фрагменты, не система. А фрагменты проигрывают закрытым клубам каждый раз. И мы не сможем выстроить альтернативную систему безопасности, если продолжим оккупацию и отказ от политического решения палестинского вопроса — это стратегический, а не только моральный аргумент».

Эксперт №9, юрист:

«Если Россия и Турция — "антинормативная ось", то Израиль и США — вторая антинормативная ось, действующая параллельно и зеркально. Россия аннексирует Крым и ссылается на "волю народа". Израиль аннексирует Восточный Иерусалим и ссылается на "историческое право". Турция вводит войска в Африн без мандата. Израиль вводит войска в

южный Ливан без мандата. В мире без норм побеждает тот, у кого больше дивизий. У Израиля — 10 миллионов населения. У Турции — 85. У России — 145. Арифметика очевидна. Чтобы противостоять этой модели, нужно перестать быть её со-автором. Израиль сам — участник нормативной эрозии».

Эксперт №10, журналист:

«Израиль не сидит за столом — а значится в меню. Астанинский формат, в котором судьба нашего северного фронта определялась Россией, Турцией и Ираном без нашего участия, — это структурная уязвимость».

Эксперт №11, правозащитник:

«Необходима дифференциация ответственности. Турция — прямой соучастник насилия в Сирии: формирования СНА участвовали в мартовских убийствах алавитов. США — со-ответственные. Они легитимируют аш-Шараа и бросили курдов. Россия — не участник. Россияне предоставляли убежище алавитам на своих военных базах».

Эксперт №12, гражданский активист:

«Турецкий фактор — прямая угроза: вооружение формирований в Сирии, флот, претендующий на Восточное Средиземноморье, риторика по Иерусалиму. Россия — угроза косвенная. Есть аспект, о котором мало говорят: Россия в определённой мере сдерживает турецкое влияние в Сирии. Для нас это работает — это побочный эффект российских интересов, а не подарок. И ещё одна проблема: "Россия–Турция" — категория, которую понимают 500 экспертов в стране. Для гражданина это — "Эрдоган и Путин, оба плохие". Без общественного понимания нюансов невозможна демократическая дискуссия о стратегии».

Эксперт №13, религиовед:

«Я не верю в существование оси Россия–Турция как устойчивой стратегической конструкции. Россия и Турция — исторические враги с двенадцатью войнами за спиной. Их сближение — транзакции, а не ценностный союз. Сравните с осью Турция–Катар–Братья-мусульмане — там есть общая суннитская идентичность, общее видение политического ислама. Или ось Иран–Хизбалла–Хуситы — шиитский солидаризм. Между Москвой и Анкарой — только прагматика. Когда интересы столкнулись в Идлибе в 2020 году — прагматика закончилась, стреляли».

Эксперт №14, раввин:

«Это не союз, это ситуативное сотрудничество двух хищников, которые временно охотятся в одном лесу. Но пока интересы совпадают — а они совпадают в главном: оба хотят ослабить западный порядок — эта связка опасна для нас. **После нейтрализации иранского режима Турция станет главным врагом Израиля.** Не одним из — главным. Россия в этом сценарии — не союзник Турции».

Выводы по вопросу 2

12 из 14 экспертов оценивают российско-турецкое сотрудничество как преимущественно угрозу. Однако двое (религиовед №13 и раввин №14) оспаривают саму категорию «оси», указывая на цивилизационную несовместимость и исторический антагонизм. Ключевая угроза — не альянс как таковой, а турецкая экспансия, которой российское присутствие не препятствует, а местами способствует.

Эксперты также обозначили, что не только Турция и Россия разрушают старый «нормативный мир». США и Израиль также активно участвуют в этом разрушении старых международных норм.

Эксперты также фиксируют утрату всех трёх столпов «периферийной доктрины» Бен-Гуриона (Турция, Иран, Эфиопия) и незавершённость Авраамических соглашений как замены.

Вопрос 3. Потенциал России в роли балансира в отношениях между Израилем и Турцией

Мнения экспертов

Эксперт №2, политолог:

«Когда Москве придётся выбирать — вопрос не "за кого она", а "что ей выгоднее". Ответ предсказуем: Турция — крупнейший экономический партнёр, сосед, страна с 85-миллионным населением и контролем над Проливами. Израиль — полезный, но не незаменимый контакт. Российский канал нужен как провод, по которому идут сигналы».

Эксперт №3, историк:

«Де-факто буфер — потому что невыгодна эскалация. Израильско-турецкое измерение — сложное. У России нет рычагов, чтобы сдержать Турцию в Восточном Средиземноморье или в палестинском вопросе. Российское влияние на Турцию — экономическое (газ, энергетика, туризм), а не военное. Когда конфликт переходит в военно-политическую плоскость, этих рычагов недостаточно.

Эксперт №5, экономист:

«Теневого флот», расчёты в юанях и дирхамах, обход ограничений через третьи страны (Турция, ОАЭ, Казахстан) — всё это создаёт параллельную финансовую инфраструктуру. Израиль в двойном положении: часть его торговых партнёров (ОАЭ, Индия, Турция) активно участвует в обходных схемах, при этом сам Израиль привязан к западной финансовой системе — доллар, SWIFT, американские банки.

Эксперт №7, Эксперт в вопросах нацбезопасности:

«Не балансир, а силовой брокер, заинтересованный в незаменимости. Деконфликтинг в Сирии — не "подарок". Это услуга, за которую Россия берёт плату: молчание Израиля по Украине, отсутствие поставок вооружений Киеву, нейтралитет в западных санкционных режимах. Когда нас спрашивают: "Почему Израиль не осудил вторжение в Украину?" — ответ простой: потому что мы платили Москве за право бомбить иранцев в Сирии. Это не стратегия — это тактическая зависимость, выдаваемая за прагматизм».

Эксперт №8, социолог:

«6.4% верят, что Россия может нейтрализовать турецкую угрозу. 55% рассчитывают на США. Существует различие в оценке роли России между светскими и религиозным сегментом. Религиозные мыслят в парадигме «сила уважает силу» и готовы к прагматичным сделкам с любым игроком, если это обеспечивает безопасность.».

Эксперт №10, журналист:

«Москва заинтересована в том, чтобы никто никого окончательно не разгромил, чтобы все периодически приходили к ней за разрешением, и чтобы каждая эскалация поднимала цену её посредничества. Нарратив "незаменимого посредника" — это то, чем Москва кормит наши СМИ». Есть игрок, готовый обменять одни интересы на другие. Журналист, который подаёт российское "посредничество" без этой оговорки, делает дезинформацию — пусть и невольно».

Эксперт №12, гражданский активист:

«В целом может — но эта возможность хрупкая и не определяющая. После падения Асада Турция — на подъёме, Россия — на удержании позиций. Это не баланс равных — это асимметрия, в которой балансирующий слабее балансируемого. И главное: ставка на балансир — это ставка на закулисную дипломатию, непрозрачную для граждан. Для демократии это яд».

Эксперт №13, религиовед:

«Россия может и хочет играть роль балансира. Успех — переменный, но функция реальна. Москва — единственный внешний игрок, который одновременно разговаривает и с Иерусалимом, и с Анкарой, и с Дамаском, и с Тегераном. Этот набор каналов уникален. В ситуации, когда новая Сирия движется к суннитской однородности, российское присутствие — один из немногих факторов, сдерживающих полную маргинализацию христиан».

Эксперт №14, раввин (правый):

«Россия может и будет играть роль балансира — но не потому что хочет нам помочь, а потому что ей выгодно, чтобы ни одна сторона не стала слишком сильной. Израиль не является ни союзником России, ни важной для неё страной. Торговый оборот — менее \$3 млрд, это в десять раз меньше, чем с Турцией. Мы — союзник главного геополитического оппонента Москвы. 40 миллионов мусульман внутри России делают исламский мир приоритетом Кремля. Строить безопасность на чужом прагматизме — опасно».

Выводы по вопросу 3

Картина сложнее, чем бинарное «да/нет».

Шестеро экспертов (№1, 3, 4, 12, 13, 14) фактически описывают Россию как ограничитель эскалации — она сдерживает, когда ей самой невыгодно обострение. Пятеро (№2, 6, 7, 10, 11) описывают силового брокера — актора, торгующего влиянием со всеми сторонами. Лишь двое (экономист №5 и юрист №9) отрицают любую балансирующую функцию, считая Россию источником нестабильности, а не её ограничителем.

Спор идёт не о том, балансирует ли Россия, а о том, какого типа это балансирование и можно ли на него полагаться.

Вопрос 4. Роль России на Ближнем Востоке в контексте безопасности Израиля

Мнения экспертов

Эксперт №1, политолог:

«Россия не создала своего присутствия на Ближнем Востоке с нуля. Она пришла в Сирию, потому что международное сообщество не смогло остановить гражданскую войну. Она торгует влиянием, потому что есть чем торговать — нерешёнными конфликтами. Пока Сирия не стабилизирована, пока нет решения по палестинскому вопросу, пока ливанская граница висит на ниточке — для России всегда будет пространство для посредничества.

Эксперт №3, историк:

«Американский уход из Сирии формально усиливает российские позиции, но фактически добавляет Москве головной боли: теперь за стабильность северо-востока Сирии отвечает она, а не CENTCOM

Россия достаточно сильна, чтобы создавать проблемы (блокировать резолюции, поставлять оружие, предоставлять дипломатическое прикрытие Ирану), но недостаточно сильна, чтобы решать проблемы».

Эксперт №4, эксперт по международным отношениям:

«Падение Асада изменило всё. Россия больше не покровитель режима — она арендатор баз у правительства, которое обязано своим приходом к власти в том числе Турции. Для Израиля это двойственно: ослабление российских позиций в Сирии уменьшает один риск (российский «зонтик» для иранских прокси), но увеличивает другой — освобождается пространство для турецкого влияния и джихадистских сетей.»

Эксперт №5, экономист:

«Три экономических эффекта: переконфигурация нефтегазовых потоков, расширение серых зон в торговле, рост стоимости нестабильности. Каждый процент роста региональной нестабильности — это потерянные инвестиции, замедленные проекты и упущенные контракты».

В мире вторичных ограничений и ESG-рейтингов "прагматичный контакт" с Москвой имеет ценник, который Израиль обязан калькулировать каждый раз заново. Хай-тек-компании, котирующиеся на NASDAQ, не могут позволить себе репутационного пятна — а для них Израиль и есть среда обитания».

Эксперт №7, Эксперт в вопросах нацбезопасности:

«Россия заинтересована в "мозаичном порядке" — перекрывающихся сетях баз, двусторонних соглашений, прокси-отношений, — потому что в нём она незаменима. Она будет сопротивляться "институциональному порядку" — многосторонним форматам с прозрачными правилами и верификацией — потому что прозрачные правила обнуляют её брокерскую роль».

Эксперт №10, журналист:

«Россия одновременно даёт коридоры, вооружает Иран, блокирует резолюции и поддерживает канал с Нетаньяху. Как подать это в одном материале? Никак. У читателя не складывается целая картина».

«Мы рассказали уход американцев из Сирии неправильно. Мы рассказали её как "Трамп уводит тысячу солдат". А нужно было рассказывать как: "Америка бросила курдов — тех самых людей, которые воевали за неё, — и теперь каждый союзник Вашингтона на Ближнем Востоке пересчитывает, чего стоит американское слово". Этот вопрос никто в прайм-тайме не задал. И это тоже провал».

Эксперт №12, гражданский активист:

«Израильское общество фактически вывело Россию за скобки — не обсуждает, не тревожится, не требует подотчётности. А когда направление внешней политики не обсуждается публично — оно становится вотчиной узкого круга. Чем тише тема, тем меньше подотчётность».

Эксперт №13, религиовед:

«Россия влияет на Иорданию — это стабилизирующий фактор. На Палестинскую автономию — контакты с ФАТХ, но не с ХАМАС. Газа — зона турецко-катарского влияния, а не российского. На Ливан — практически нет: Хизбалла — иранский проект. Российское влияние значимое, но не решающее. Москва — не архитектор ближневосточной безопасности, а один из посредников в системе, где основные тектонические силы — суннитско-шиитское соперничество, американское присутствие и арабо-израильская динамика».

Эксперт №14, раввин:

«Россия не играет системной роли для безопасности Израиля. Она может сыграть эпизодическую роль — при совпадении интересов. Приоритеты Кремля: ОПЕК+, продажа оружия, исламский фактор внутренней стабильности — 40 млн мусульман, противовес Америке. Израиль — не в этом списке».

Выводы по вопросу 4

Все эксперты признают активность российского присутствия. Россия имеет налаженные рабочие контакты с Турцией, Палестинской администрацией, ОПЕК+, Ираном, Монархиями Залива, Сирией. Активно она представлена и в Африке. Эти налаженные связи и сеть военных баз делает Россию значимым игроком на Ближнем Востоке.

Критический сдвиг февраля 2026: уход США из Сирии упрощает уравнение — было три внешних игрока, осталось два. Все 14 экспертов оценивают это как ухудшение для Израиля.

Вопрос 5. Ранжирование угроз

Мнения экспертов

Об ослаблении американской поддержки (1-е место у 8 из 14):

Эксперт №5, экономист:

«Это не только \$3,8 млрд в год военной помощи. Это доступ к американским технологиям, рынку капитала, SWIFT, разведывательному обмену. Весь израильский хай-тек встроены в американскую экосистему. Эрозия политического союза неизбежно отразится на этих связях».

Эксперт №12, активист:

«Союз с Америкой — единственная внешнеполитическая рамка, которая имеет демократическую легитимность внутри Израиля. Уход из Сирии — не просто потеря тысячи солдат. Это сигнал, который подрывает доверие к самой идее союзничества».

Эксперт №14, раввин:

«Америка — единственная держава, чей союз с Израилем имеет и стратегическое, и моральное основание. Она оставила курдов. Она может оставить и нас».

О внутриизраильском кризисе (1-е место у 3 из 14):

Эксперт №13, религиовед:

«Это не политический кризис — это кризис идентичности. Разрыв в 53 п.п. между религиозными и светскими — это два разных понимания того, что такое Израиль: мессианский этап или либеральная демократия. В еврейской традиции "синат хинам" — беспричинная ненависть — разрушила Второй Храм».

Эксперт №14, раввин (ставит 5-е место — антитезис):

«Еврейский народ проходил через худшие расколы и выживал. Спор между хасидами и миснагим грозил расколом. "Альталена" — стреляли друг в друга. 7 октября за двенадцать часов 300 тысяч резервистов явились на базы без повесток. Это ахават Исраэль — любовь еврея к еврею, которая сильнее любого спора. Внутренний кризис — серьезен. Но не экзистенциален».

Эксперт №12, активист:

«Общество, сконцентрированное на внутреннем конфликте, теряет периферийное зрение. А на периферии — ракеты, дроны и ядерные амбиции. Я был на площади Каплан, когда за неделю до 7 октября на протест вышли 150 тысяч человек. Через семь дней ХАМАС пересёк границу. Связь не прямая — но и не случайная».

О ядерных амбициях Турции (разброс 1–5 — максимальная поляризация):

Эксперт №3, историк (ставит 1-е):

«Необратимость. Когда государство пересекает ядерный порог, пути назад нет. Все остальные угрозы — обратимы».

Эксперт №14, раввин (ставит 1-е):

«Угроза следующего поколения. Ядерное оружие в руках неоосманского режима — кошмарный сценарий, который нужно предотвращать сейчас, а не когда он станет реальностью».

Эксперт №12, активист (ставит 4-е):

«Путь Турции к бомбе — 5–10 лет минимум. Пока это риторика, а не программа. Но общество не умеет реагировать на медленные угрозы. Мы мобилизуемся, когда летят ракеты».

Мы не мобилизуемся, когда сосед строит реактор. Иранская программа тоже начиналась с мирного атома — мы проспали это и платим до сих пор».

О палестинском государстве (5-е место у 12 из 14, но по разным причинам):

Эксперт №7, Эксперт в вопросах нацбезопасности:

«Палестинское государство — не пятое. Оно нулевое — лежит в основании всех остальных угроз».

Эксперт №14, раввин (единственный, кто ставит 3-е место):

«Любая передача территории Эрец Исраэль под контроль враждебных сил — угроза пикуах нефеш. Демилитаризация на бумаге не означает демилитаризацию в реальности. Газа была "демилитаризована" — и стала ракетной базой».

Эксперт №13, религиовед:

«Палестинский вопрос — самый глубокий религиозный конфликт региона, не имеющий чисто политического решения. Иерусалим, Хеврон, Храмовая гора — не территории для обмена. Это места, которые определяют идентичность миллионов людей. "План Трампа" — попытка решить религиозный конфликт бизнес-логикой».

Эксперт №8, социолог:

«Израильское общество в феврале 2026 года — это не одно общество, а как минимум три, живущие в разных реальностях. Религиозные оценивают внешнюю политику с балансом +49.1 п.п. Светские — с балансом -4.2 п.п. Разрыв — 53 процентных пункта. Индекс личной безопасности: 2.65 у светских, 3.45 у религиозных. Религиозный израильтянин чувствует себя в безопасности, а светский — нет, живя в одном и том же государстве. Когда две группы населения переживают настолько разный опыт реальности, говорить о "национальном консенсусе" по безопасности — самообман».

Эксперт №13, религиовед:

«Союз с Америкой — не просто стратегическая связка. Для религиозных сионистов поддержка Америки — часть Божественного плана: Америка как "Кореш" (Кир Великий), который позволяет еврейскому государству процветать. Для светских — гарантия демократического характера государства. Уход из Сирии читается через обе линзы. Религиозные: "если Америка уходит — значит, Бог хочет, чтобы мы справились сами" (усиление мессианского самосознания). Светские: "если Америка уходит — значит, нужно искать альтернативные рамки". Расхождение реакций — ещё один симптом раскола».

Эксперт №2, политолог:

«Тенденция — не на укрепление, а на сжатие американского периметра. Сначала Обама отказался от "красных линий" по Асаду, потом первый Трамп попытался уйти из Сирии, потом Байден ушёл из Афганистана, теперь второй Трамп завершает уход из Сирии. Тенденция важнее эпизода».

Эксперт №6, специалист по нацбезопасности:

«Курдская автономия — утрата разведывательного партнёра, буфера против ИГИЛ и турецкой экспансии, и потенциального союзника в случае обострения на северном фронте. Это не абстрактная утрата — это конкретное сужение оперативного пространства».

Эксперт №1, политолог:

«Авраамические соглашения — единственный позитивный процесс на Ближнем Востоке за последние двадцать лет. Единственный. Всё остальное — войны, интифады, перевороты, провалы. Их развал — сигнал всему региону: мир невозможен, нормализация — иллюзия, сила

— единственный язык. Такой сигнал кормит и ХАМАС, и Хизбаллу, и турецкий неоосманизм, и иранских прокси. Всех одновременно».

Эксперт №13, религиовед — *об уникальности Авраамических соглашений:*

«Это первый в истории формат, в котором суннитские арабские государства признали легитимность еврейского государства не вопреки своей религиозной идентичности, а параллельно с ней. Потерять это — значит вернуться к формуле "ислам vs. иудаизм"».

Эксперт №6, специалист по нацбезопасности — *о военном измерении Авраамических соглашений:*

«Авраамические соглашения — это не только дипломатия. Это конкретные военные активы: воздушные коридоры через Саудовскую Аравию (использовались для удара по Ирану в 2025), элементы совместной ПВО и раннего предупреждения с ОАЭ, обмен разведанными, морское присутствие в Красном море через партнёрства с Бахрейном».

Эксперт №3, историк — *о «Плане Трампа» как управляемом переходе:*

«Исторический опыт деколонизации показывает, что управляемый переход с жёсткими параметрами безопасности (модель Сингапура) работает лучше, чем неуправляемый (модель Конго). "План Трампа" ближе к первому, чем ко второму. Это не устраняет рисков, но делает их управляемыми».

Эксперт №10, журналист — *о «плане» как медийном провале:*

«97% слышали о плане. 9% знают содержание. Это идеальный показатель медийного шума без информационного содержания: все знают название, никто не знает суть. Палестинская тема — это айсберг. То, что видно над водой (план, переговоры, карты), — малая часть. Под водой — 57 лет неразрешённого конфликта и ощущение, что это не "вопрос, который можно решить", а состояние, в котором мы живём».

Выводы по вопросу 5

Ослабление американской поддержки — наивысшая угроза (8 из 14 — 1-е место; 13 из 14 — в топ-2). Наиболее устойчивый результат ранжирования, объединяющий левых и правых.

Палестинское государство — наименьшая из предложенных угроз (12 из 14 — 5-е место), но по диаметрально разным причинам: правые считают параметры управляемыми, левые считают государство не угрозой, а решением. Раввин (№14) — единственный, поставивший 3-е место.

Сквозные темы

Утрата «периферийной доктрины». Доктрина Бен-Гуриона утратила все три столпа: Турция стала противником, Иран — экзистенциальной угрозой, Эфиопию перехватывает Турция. Авраамические соглашения — попытка замены, но незавершённая. По прогнозу эксперта №14, после нейтрализации Ирана «Турция заполнит вакуум — покровительство ХАМАСу, контроль над Сирией, давление на Иорданию, ядерный потенциал».

Африканский Рог. Турецкая экспансия после признания Израилем Сомалиленда: F-16 в Могадишо, танки и ПВО, визит Эрдогана в Аддис-Абебу, порт Хобьо с 80-летней концессией. Историк (№3): «Эфиопия 2026-го не нуждается в Израиле ни для безопасности, ни для технологий, ни для легитимности».

Курды — потерянный актив. Шесть экспертов фиксируют утрату курдского буфера как стратегическую потерю. Раввин (№14): «Америка оставила курдов. Она может оставить и нас».

Гуманитарная катастрофа в Сирии. По данным правозащитника (№11): массовое насилие в отношении алавитов (более 1400 погибших, по его оценке), масштабные нападения на друзские общины, систематические преследования христиан. Религиовед (№13):

российское присутствие — «один из немногих факторов, сдерживающих полную маргинализацию христиан».

Религиозное измерение. Заявление Фидана — элемент «суннитского ядерного суверенитета» (№13). Внутриизраильский кризис — не политический, а идентитарный: мессианское видение vs либеральная демократия. Палестинский вопрос — религиозный конфликт, не имеющий чисто политического решения.

Дефицит демократического контроля. Активист (№12): закулисная дипломатия с Москвой непрозрачна для Кнессета; «План Трампа» обсуждается при 91% неосведомлённых граждан. «Безопасность начинается с функционирующей демократии, а не с очередной системы вооружений».

Медийный провал в освещении угроз. Журналист (№10): «Существует огромный разрыв между тем, что обсуждают эксперты, и тем, что волнует зрителя. Эксперт расскажет про "многополярную ядерную нестабильность". Зритель спросит: "мне опять бежать в мамад?" Темы, которые не конвертируются в "бегущую строку" и сирену, уходят на периферию внимания — и именно на периферии сейчас находятся вещи, которые изменят наш мир через пять–десять лет». 44% израильтян недовольны освещением темы Турции в СМИ. По оценке журналиста, по России цифра была бы не ниже.

«Управляемая враждебность» с Россией. Политолог (№2): отношения с Россией и Турцией — точнее всего описываются как «управляемая враждебность — не союз, не вражда, но и не дружба». Это создаёт уникальную для Израиля ситуацию: на северном фланге остались два крупных игрока, и ни с одним из них у Израиля нет ни стратегического союза, ни ценностного совпадения.

Когнитивное запаздывание общества. Социолог (№8): «Ядерная Турция — на периферии массового восприятия. Ситуация, когда 3.7% назвали Турцию главной угрозой 2026 года, а одновременно министр иностранных дел этой страны публично рассуждает о бомбе — это классический случай когнитивного запаздывания: общество не успевает за изменением угрозы. Если за риторикой Фидана последуют хотя бы символические шаги, тема переместится из зоны "не слежу" в зону "паника" — без промежуточной фазы осмысления. А паника — худший советчик».

Сдерживание как «отсутствие стратегии». Эксперт №7: «Сдерживание — это не стратегия, это отсутствие стратегии. Это управление симптомами вместо лечения болезни. Израиль шестьдесят лет живёт в режиме стратегической неопределённости, и каждое десятилетие нам объясняют, что это работает. А потом случается октябрь 2023-го — и выясняется, что сдерживание ХАМАС не работало, что мы принимали молчание за покорность, а стабильность — за безопасность».

Общие выводы

Несмотря на глубокие мировоззренческие различия — от лево-либеральных до правых религиозных, от светских до строго соблюдающих — панель из 14 экспертов демонстрирует консенсус по ключевым стратегическим оценкам:

Заявление Фидана — серьёзный сигнал (14 из 14). Ядерный каскад в регионе — реальный сценарий. Турецкие амбиции привязаны к неоосманскому проекту и не зависят от исхода иранской программы.

Ослабление американской поддержки — наивысшая угроза (8 из 14 — 1-е место; 13 из 14 — в топ-2). Уход из Сирии — звено в тренде сжатия американского периметра.

Россия выполняет балансирующие функции (12 из 14). Российский канал — оперативный инструмент. Роль посредника для деэскалации различных ситуаций является значимой для Израиля, особенно учитывая разнообразные связи России с основными акторами на Ближнем Востоке.

«Периферийная доктрина» утратила актуальность. Все три столпа утрачены. Авраамические соглашения — попытка замены, но незавершённая.

Палестинское государство — наименьшая из пяти предложенных угроз (12 из 14 — 5-е место), но 8 из 14 экспертов считают палестинский вопрос «нулевым» — лежащим в основании всех остальных.